

24–26 июня 2026 г.

On two wh-indeterminate constructions

Danil A. Alekseev
Institute of Linguistics RAS,
Moscow, Russia
dnl.alksv@gmail.com

Andrei V. Sideltsev
Institute of Linguistics RAS,
Moscow, Russia
acidelcev@gmail.com

Abstract

This paper compares and contrasts two seemingly closely related wh-indeterminate constructions – the multiple partitive construction (MPC) and the bipronominal distributive construction (BDC). By analyzing data from Russian, Ossetic, and several other languages we arrive at a diachronic dependency between the BDC and a syntactically similar construction, multiple wh-free relatives: a language possessing multiple wh-free relatives also possesses the BDC.

Keywords: wh-indefinites; syntax; semantics

DOI: 10.29003/2075-7182-2026-24-1-8

О двух конструкциях с вопросительными местоимениями

Алексеев Д. А.
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия
dnl.alksv@gmail.com

Сидельцев А. В.
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия
acidelcev@gmail.com

Аннотация

На материале русского и осетинского языков с привлечением более широкого типологического фона рассматриваются две, на первый взгляд, сходные конструкции с вопросительными местоимениями — множественная партитивная (МПК) и бипрономинальная дистрибутивная (ДБК) — и демонстрируется их нетождественность. Выдвигается предположение о диахронической зависимости ДБК от другой сходной конструкции, множественных квазирелятивов: если в языке представлены множественные квазирелятивы, в нем также будет представлена и ДБК.

Ключевые слова: вопросительные местоимения; синтаксис; семантика

1 Введение

Как хорошо известно из теоретической и типологической литературы [1; 2; 3; 4], вопросительные местоимения без словообразовательных аффиксов могут использоваться в качестве неопределённых, что описывается как вопросительно-неопределённое единство (англ. *indefinite-interrogative affinity*)¹. Такие местоимения также обозначаются терминами “wh-indeterminates” [5; 6] и «к-местоимения» [7]. В этой статье рассматривается типология двух конструкций с вопросительными местоимениями в качестве неопределённых — множественная партитивная конструкция (МПК, *multiple partitive construction* [1]) и биместоименная дистрибутивная конструкция (ДБК) [7].

¹ Исследование поддержано проектом РНФ № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV». Авторы признательны анонимным рецензентам, благодаря комментариям которых удалось внести существенные улучшения в текст этой статьи.

2 Данные русского языка

В русском языке употребление вопросительных местоимений в качестве неопределённых лицензируется непосредственным клаузальным контекстом, см. для русского языка исследования Падучевой [8; 9], а также общие работы по типологии вопросительно-неопределённых местоимений [1; 2; 3; 4]. Примерами таких контекстов являются полярные вопросы (1), антецеденты условных предложений (2), модальность (3). В формально-семантических исследованиях такие контексты обобщаются до контекстов нисходящего следования [10; 11; 12; 13] или снятой утвердительности (неверидикативных) [8; 9; 14; 15].

- (1) *Есть кто из начальства?* [НКРЯ²: А. Бузулукский, «Учительницы»]
- (2) *Если кто на спевку придет выпивши, иди прочь.* [НКРЯ: Д. Гранин, «Зубр»]
- (3) *Может, кто и перевезет.* [НКРЯ: Б. Окуджава, «Искусство кройки и житья»]

Примечательно, что в ряде случаев употребление вопросительных местоимений в качестве неопределённых возможно и без наличия в клаузе лицензоров, примеры которых обозначены выше — иначе говоря, в контекстах восходящего следования (или эпизодических). Речь идёт о так называемой множественной партитивной конструкции (МПК), которая характеризуется сочинением двух и более клауз, содержащих употребления вопросительных местоимений, чаще всего одинаковых [1]. Семантически же эта конструкция обозначает разделение заранее заданного множества на некоторые подмножества. Как показывает пример (4), контекст этой конструкции без труда интерпретируется как эпизодический.

- (4) *Кто смеялся, кто заикался, а кто мычал.* [НКРЯ: А. Геласимов, «Чужая бабушка»]

Сочинение является важнейшей частью МПК: в изолированной клаузе проинтерпретировать немаркированное местоимение как неопределённое в эпизодическом контексте представляется невозможным, ср. (5). Это условие мы называем «ограничением на неединственность местоимений».

- (5) *Кто смеялся.*
*«Кто-то смеялся.»

В работе М. Хаспельмата [1], где МПК впервые была введена в широкое научное рассмотрение, в качестве одного из ее подтипов приводится конструкция, которая даже на первый взгляд разительно отличается от того, что было представлено в примере (4): два местоимения располагаются в одной и той же клаузе, при этом одно из них имеет дистрибутивную интерпретацию, а не неопределённую (6). «Ограничение на неединственность местоимений» в этой конструкции не представлено.

- (6) *Дети получили в подарок **кто что**.* [7]

В связи с этими довольно очевидными отличиями контекстов типа (6) от контекстов типа (4), начиная с работы [7] первые выделяются в качестве отдельной конструкции, а именно дистрибутивной биместоименной конструкции (ДБК; автономная дистрибутивная конструкция по [16]).³ Таким образом, можно отметить, что в русском языке вопросительным местоимениям доступно как минимум четыре различных интерпретации: собственно вопросительная, относительная, неопределённая, дистрибутивная. При этом последние две интерпретации представлены более ограниченно, чем ожидалось бы просто при наличии в клаузе соответствующих лицензоров (приписывающих местоимениям экзистенциальное и дистрибутивное прочтения, соответственно), а именно, они демонстрируют зависимость от значимого контекста: экзистенциальная

² Национальный корпус русского языка, доступен по ссылке: <https://ruscorpora.ru>.

³ Подчеркнем при этом, что в работе Кустовой [7] ДБК и МПК не сопоставляются. Приводятся лишь сведения о том, что МПК может служить «расширением» ДБК.

интерпретация в эпизодических контекстах возможна только в случае, если местоимение употребляется в одном из конъюнктов сочинительной конструкции, причем, как минимум, еще в одном конъюнкте употребляется аналогичное местоимение. Дистрибутивная интерпретация доступна только при наличии в той же клаузе ещё одного вопросительного местоимения (в отличающейся от первого вопросительного местоимения форме).

Также отметим, что в вопросах анализа мы придерживаемся позиций работы Апресян и Копотева [16] и, в отличие от Кустовой [7], не объединяем ДБК со множественными вопросами (7) и со свободными квазирелятивами (8). Квазирелятивы представляют собой безвершинные относительные предложения, об их диахроническом соотношении с ДБК см. раздел 4. Сам же термин «квазирелятив» для описания этой конструкции русского языка был введен в работе Тестельца и Былининой [17].

(7) Она поняла, **что** тут **откуда** (взялось). [16: 117]

(8) Можно взять вещей **кто сколько** унесет. [16: 117]

Апресян и Копотев показывают, что основным синтаксическим отличием между квазирелятивами, косвенными вопросами и ДБК является то, что квазирелятивы требуют наличия предиката в позиции линейно справа от местоименного комплекса (9), косвенные вопросы допускают употребление как предиката, так и другого синтаксического материала (10), в то время как ДБК запрещают предикат (11).

(9) Можно взять вещей **кто сколько** *(хочет). [16: 117]

(10) Я не знаю, **что** тут **чье** (из этих вещей). [16: 117]

(11) Откуда это все взялось? – **Что откуда** (*взялось). [16: 117]

Впрочем, как отмечает анонимный рецензент, эллипсис предиката в предложениях типа (11) не является обязательным. В таком случае было бы точнее признать опущение предиката в ДБК опциональным, при этом никакой другой синтаксический материал справа от местоименного комплекса в любом случае невозможен. Такая формулировка, Впрочем, никак не ставит выводы Апресян и Копотева под сомнение, а лишь уточняет их.

Все три конструкции также различны в просодическом плане: в ДБК акцентоносителем является второе местоимение комплекса (12), в косвенных вопросах все местоимения равноударны (13), а в квазирелятиве либо все (14), либо ни одно (15) [16: 117–118].

(12) Заплатили **кому** **сколько**. [16: 118]

(13) Не знаю, **кому** **сколько** заплатить. [16: 118]

(14) Взяли мороженого **кто** **сколько** захотел. [16: 118]

(15) Заплатили **кто** **сколько** смогли. [16: 118]

Возвращаясь к соотношению ДБК и МПК, которое осталось за рамками работ Кустовой [7] и Апресян и Копотева [16], отметим, что обе конструкции могут быть совместно представлены и в других языках: например, в финском и румынском языках также представлена как множественная партитивная, так и биместоименная дистрибутивная конструкция, см. примеры (16)–(17) и (18)–(19) соответственно.

(16) **Финский: МПК**

Tuuli puhaltaa milloin läne-stä milloin idä-stä.
ветер дует когда запад-ELAT когда восток-ELAT
'Ветер дует **когда** с запада, **когда** с востока.' [18: 194]

(17) **Финский: ДБК**

Tuuli puhaltaa milloin mistä-kin sunna-sta
ветер дует когда который-ADD направление-ELAT
'Ветер дует **когда с какого** направления.' [18: 194]

(18) **Румынский: МПК**

Vecinii ieşiseră în uliță și priveau,
соседи вышли на улица и смотрели
care mirați, care râzând.
кто удивленно кто смеясь
'Соседи выбежали на улицу и смотрели, **кто** удивленно, **кто** посмеиваясь.' [Русско-румынский параллельный корпус НКРЯ: Л. Ребряну, «Ион» (пер. С. Кульманова)]

(19) **Румынский: ДБК**

Aceştia se împrăştiară ca puii de potîrniche,
эти REFL разбежались как молодой из куропатки
care =şi pe unde.
кто =ADD к где
'Они разбежались **кто куда** как молодые куропатки.' [1: 179]

Таким образом, в этом разделе мы показали, что, вопреки изначальной классификации М. Хаспельмата [1], ДБК не является подтипом МПК. Ниже мы представим данные языков, в которых ДБК отсутствует.

3 Данные осетинского языка

В плане соотношения ДБК и МПК иную картину представляют данные осетинского языка — автохтонного иранского языка России, распространённого в основном в Республике Северная Осетия — Алания.⁴ В осетинском, как и в русском, зафиксирована множественная партитивная конструкция (20). Конструкции двух языков соотносятся довольно прозрачно. Тем не менее, переводные эквиваленты русских предложений с ДБК типа (6) разительно отличаются в осетинском: в частности, они требуют сочинения двух клауз⁵, каждая из которых содержит два вопросительных местоимения (21). Различается не только форма, но и значение: ни одно из местоимений ни в одной из клауз не имеет дистрибутивной интерпретации. Как и в русском, такие комплексы могут использоваться в качестве фрагментарных ответов (22).

(20) **Осетинский**

Чи аг стау-ы, чи арт æндзар-ы,
кто котел вешать-PRS.3SG кто огонь разводить-PRS.3SG
чи суг сæтт-ы.
кто дрова рубить-PRS.3SG
'Кто котел вешает, кто огонь разжигает, кто дрова рубит.' [модифицированный пример ОНК⁶]

⁴ Осетинские примеры без указания источника были получены в ходе полевой работы в г. Владикавказе в 2024–2026 гг.

⁵ Это возможно показать путём восстановления глагола после второго местоимённого комплекса, которое, однако, иногда получает сниженную оценку приемлемости. См. также корпусной пример в сноске 7.

⁶ Осетинский национальный корпус, доступен по ссылке: <http://corpus.ossetic-studies.org>.

(21) **Осетинский**

Бимболат куы цы дыргъ æрба-хæсс-ы, куы цы.
 Бимболат когда какой фрукт PV-нести-PRS.3SG когда какой
 'Бимболат то один фрукт приносит, то другой.'

(22) **Осетинский**

{— Где вы отдыхали?}
Чи кæм, чи кæм.
 кто где кто где
 'Кто где.'

Таким образом, осетинская конструкция, представленная в примерах (21)–(22), на самом деле является подтипом множественной партитивной (20): с тем лишь отличием от (20), что допускает использование дополнительных немаркированных местоимений в качестве неопределённых внутри конъюнктов. Это дополнительно подтверждается примерами типа (23), где такое местоимение содержится лишь в финальном конъюнкте⁷.

(23) **Осетинский**

...чи йæ= куыст-мæ, чи ахуыр-мæ,
 кто POSS.3SG= работа-ALL кто учеба-ALL
чи базар-мæ, чи кæдæм.
 кто базар-ALL кто куда
 ' {И затем те немногие опаздывавшие, стали спешить:} кто на работу, кто на учебу, кто на базар, кто куда.' [ОНК: Г. Агънаты, «Темыры кæстæр чызг»]

Подобная дистрибуция двух конструкций (наличие МПК, но отсутствие ДБК) представлена также во французском и турецком языках, примеры МПК в этих языках см. у М. Хаспельмата [1: 177].

Таким образом, помимо собственно нового анализа осетинского материала, данный раздел продемонстрировал, что МПК может быть представлено в языке и при отсутствии ДБК. Следовательно, обе конструкции распределены независимо друг от друга. Подчеркнём, что ограниченность выборки рассматриваемых языков позволяет нам отметить лишь сам факт независимости МПК от ДБК в плане представленности в одной языковой системе. Дальнейшие типологические исследования покажут, как именно распределены системы с МПК и ДБК, а также системы только с МПК и системы только с ДБК в языках мира.

4 К типологии двух конструкции

Что же отличает русский, финский и румынский, с одной стороны, и осетинский, французский и турецкий, с другой? Как нам кажется, ответ на этот вопрос должен быть сформулирован одновременно в диахроническом и типологическом измерениях. Так, в [16: 120] на диахроническом материале русского языка выдвигается предположение, что возникновение ДБК имеет два диахронических источника: вложенные множественные косвенные вопросы и множественные квазирелятивы. В силу устройства таких предложений, при котором местоименный комплекс

⁷ Анонимный рецензент также предполагает, что в таком случае должно быть возможным использование различных вторых местоимений в каждом конъюнкте. В редких корпусных примерах нечто схожее действительно наблюдается:

(i) *...фæлæ=та куы цæй тыххæй ныкъ-къуылымпы-тæ вæйй-ы лæг,*
 но =CONTR когда что.GEN из-за PV-препятствие-PL бывать-PRS.3SG человек
куы цы фсон-æй нæ= а-цæу-ы.
 когда что причина-ABL NEG= PV-идти-PRS.3SG
 '...но **когда** из-за чего-то человек сталкивается с препятствиями, а **когда** по какой-то причине не справляется.' [ОНК: без источника]

располагается непосредственно справа от глагола, местоимения реанализируются как отдельный актант в составе матричного предложения.

Нам представляется, что и в современном русском языке ДБК сохраняет те характеристики, которые позволяют предложить убедительный диахронический сценарий их развития. Из материала современного русского языка следует, что множественные квазирелятивы в ряде контекстов квазисинонимичны ДБК (24). Мы понимаем это варьирование как артефакт диахронического развития одной конструкции из другой, которое сводится к опущению финитного глагола (показано в угловых скобках) в исходной клаузе со множественными квазирелятивами (25), ср. [16: 120].

(24) Они сели **кто где** (хотел).

(25) Они сели **кто где** хотел. → Они сели **кто где** <хотел>. → Они сели **кто где**.

Данный диахронический сценарий экономно и исчерпывающе объясняет последовательный порядок слов в ДБК, который с чисто синхронной точки зрения представляется немотивированным, а именно то, что оба местоимения находятся на правой границе клаузы в том случае, когда ДБК является частью клаузы.

Гипотеза Апресян и Копотева о множественных косвенных вопросах как втором источнике ДБК основывается на диахроническом материале русского языка, из которого в качестве показательного они приводят следующий древнерусский пример:

(26) *Тогда же бѣ пополохъ золь по всей земли, и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжитъ.* (Лавр. летопись, 12 в.).

Необходимо отметить, что в примере (26) статус клаузы с двумя местоимениями является не столь однозначным, так как она вводится сочинительным союзом *и*. Апресян и Копотев эксплицитно предполагают в этом примере смешение паратаксиса и гипотаксиса [16: 120]. Анонимный рецензент также не исключает возможность собственно аддитивного значения для *и* в данном контексте – ‘не знали и (того) где кто бежит’. В любом случае, более важно, что союз здесь, вне зависимости от его значения, находится между глаголом и местоименным комплексом. Это не позволяет исходить из подобных контекстов как непосредственной начальной точки для переосмысления множественных косвенных вопросов в ДБК. Таким образом, в свете явного варьирования квазирелятивов и ДБК в современном русском языке множественные косвенные вопросы не являются очевидным источником ДБК.

Более того, привлечение типологического материала явным образом свидетельствует в пользу одного источника возникновения ДБК. Расширив выборку языками, описанными в двух предыдущих разделах, мы предполагаем, что именно наличие в языке множественных квазирелятивов является необходимым условием для возникновения биместоименной дистрибутивной конструкции. Так, в осетинском наиболее часто относительные предложения формируются при помощи коррелятивной стратегии [19], что исключает само существование в языке безвершинных относительных предложений. В турецком же используется, по сути, образование нефинитных клауз [20]. Во французском свободные релятивы, хоть и представлены, характеризуются несколько другим синтаксисом: вместе с относительным местоимением используется местоимение *ce*⁸, которое занимает позицию между предикатом и относительным местоимением [21]. Это исключает соположение глагола и местоименного комплекса, необходимое для возникновения ДБК. В то же самое время, как в финском, так и в румынском множественные квазирелятивы действительно засвидетельствованы, ср. для финского (27).

⁸ Как отмечает анонимный рецензент, такие комплексы можно анализировать как сложные подчинительные союзы, см. также обсуждение в работе Дж. Поллока [21].

(27) **Финский: множественные квазирелятивы**

<i>Viiko-n</i>	<i>mitta-an</i>	<i>tule-e</i>	<i>sit</i>	<i>pysähel-tyä</i>
неделя-GEN	мера-ILL	случаться-PRS.3SG	тогда	останавливаться-TTUA
<i>mi-ssäi</i>	<i>sattu-u</i>	<i>milloin-kin</i>	<i>ole-ma-an.</i>	
где-IN	случаться-PRS.3SG	когда-ADD	быть-PART-ILL	

‘В течение недели, относительно каждого момента времени, я обычно останавливаюсь там, где я оказываюсь в (этот момент времени).’ [22: 174]

При этом строение вложенных множественных вопросов в осетинском языке также создает возможный контекст для реанализа, поскольку местоименный комплекс может располагаться непосредственно справа от матричного глагола (28). Однако, так как в осетинском отсутствуют и квазирелятивы, и ДБК, значащая роль множественных вопросов в качестве возможного источника последней конструкции ставится под сомнение.

(28) **Осетинский**

<i>Хуыцау</i>	<i>хуыздæр</i>	<i>зон-ы,</i>	<i>камаен цы</i>	<i>каен-гæ</i>	<i>у.</i>
Бог	лучше	знать-PRS.3SG	кому	что	делать-PTCP
					быть.PRS.3SG

‘Бог лучше знает, кому что отведено.’ [ОНК: М. Казиев, «Я верю»]

Наконец, возвращаясь к финскому примеру (27), можно обратить внимание на то, что в нём первое местоимение комплекса (*missäi*) располагается слева от глагола зависимой клаузы, а второе — справа. Подобные данные могли бы внести некоторую корректировку в нашу гипотезу: как отмечает К. Лохинива [22: 177], в ДБК (в [22] именуется «wh-декларативами») между местоимениями может располагаться только эмфатическая частица *nyt*, в то время как в квазирелятивах такого ограничения не наблюдается. К другим отличиям этих конструкций относится возможность дублирования субъекта (в русском языке это возможно как в ДБК, так и в квазирелятивах), более свободный относительный порядок местоимений в ДБК по сравнению с квазирелятивами, невозможность местоимения ‘почему’ в квазирелятивах и отсутствие такого запрета в ДБК⁹ [22: 180]. Тем не менее, их важнейшим сходством является ограничение на использование в комплексе только двух местоимений: множественные вопросы этому ограничению не подвержены и допускают использование трёх и более вопросительных местоимений. Таким образом, мы предполагаем грамматикализацию ДБК из множественных квазирелятивов (а не множественных вопросов) и для финского языка, однако важно, что отправной точкой для такого развития мог стать лишь определённый поднабор квазирелятивных контекстов — такой, в котором местоимения располагаются контактно и не разрываются другим лексическим материалом.

Таким образом, в целом ряде языков мы видим последовательную корреляцию между наличием в языке ДБК и именно множественных квазирелятивов и интерпретируем ее как диахроническую связь между двумя конструкциями. На этом основании мы формулируем следующую импликацию: если в языке нет множественных квазирелятивов, в нем также не ожидаются и ДБК. Подобная гипотеза формулируется впервые, однако на данном этапе, с учётом сильной ограниченности выборки, она остаётся лишь гипотезой и не претендует на статус типологической универсалии. Привлечение представительной собственно типологической выборки языков позволит подвергнуть нашу гипотезу полноценной проверке в будущем. Важно, что подобное исследование потребует более глубокого описательного изучения ДБК в других языках мира. Мы надеемся, что наша работа стимулирует, прежде всего, исследования ДБК и других конструкций с вопросительными местоимениями в качестве неопределённых на конкретно языковом материале различных языков, в результате чего станут возможными и полноценные типологические исследования.

5 Заключение

В статье на материале русского и осетинского языков с привлечением более широкого типологического фона мы рассмотрели две, на первый взгляд, идентичных конструкции с

⁹ Ср. местоимения причины в ДБК и квазирелятивах в русском языке: *Они приходили кто зачем* (НКРЯ: Константин Серафимов, Экспедиция во мрак (1978–1996)); [?]**Они приходили кому зачем надо было* (сконструированный пример авторов).

вопросительными местоимениями – множественную партитивную (МПК) и дистрибутивную би-проминальную (ДБК) и продемонстрировали их нетождественность. Вслед за [16] мы также отличаем ДБК от другой конструкции со множественными вопросительными местоимениями — множественных квазирелятивов, а также поддерживаем предположение [16] о диахронической связи между двумя конструкциями, однако дополнительно демонстрируем, что эта связь должна быть двусторонней. Мы надеемся, что наша работа стимулирует дальнейшие собственно типологические исследования, которые подвергнут сформулированную здесь гипотезу критической оценке.

References

- [1] Haspelmath M. (1997), *Indefinite pronouns*, Oxford: Oxford University Press.
- [2] Gärtner H.-M. (2009), More on the indefinite-interrogative affinity: The view from embedded non-finite interrogatives, *Linguistic Typology* 13(1), pp. 1–37.
- [3] Haug D. (2015), PIE *kwi-/kwo-: Interrogative, Indefinite or Both?, *Tavet Tat Satyam. Studies in Honor of Jared S. Klein on the Occasion of His Seventieth Birthday*, Ed. by A.M. Byrd, J. DeLisi, M. Wenthe, Ann Arbor, New York: Beech Stave Press, pp. 86–100.
- [4] Hengeveld K., Iatridou S., Roelofsen F. (2019), *Quexistentials: Polarity-sensitivity and topological restrictions*. Ms., University of Amsterdam and MIT.
- [5] Giannakidou A., Cheng L. (2006), (In)Definiteness, Polarity, and the Role of wh-morphology in Free Choice, *Journal of Semantics*, Vol. 23, pp. 135–183.
- [6] Yang Y., Gryllia S., Cheng L. (2020). Wh-question or wh-declarative? Prosody makes the difference, *Speech Communication*, Vol. 118, pp. 21–32.
- [7] Kustova G.I. (2016), Distributive bipronominal constructions [Distributivnyje bimestoimennyye konstrukcii], *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2016” [Komp’yuternaja Lingvistika i Intellektual’nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2016”]*, Bekasovo, pp. 319–331.
- [8] Paducheva E.V. (1985), Sentence and its correlation with reality. [Vyskazyvanije i jego sootnesennost’ s dejstvitel’nost’ju] Moscow: Nauka.
- [9] Paducheva E.V. (2015), Suspended assertion and nonveridicality [Sn’ataja utverditel’nost’ I neveridiktal’nost’ (na primere russkix mestoimenij otritsatel’noj pol’arnosti)], *Russian Linguistics*, Vol. 39(2), pp. 129–162.
- [10] Ladusaw W. (1979), *Polarity sensitivity as inherent scope relations*. PhD dissertation The University of Texas at Austin.
- [11] Kadmon N., Landman F. (1993), Any, *Linguistics and Philosophy*, Vol. 16, pp. 353–422.
- [12] Gajewski J.R. (2011), Licensing strong NPIs, *Natural Language Semantics*, Vol. 19/2, pp. 109–148.
- [13] Chierchia G. (2013), *Logic in grammar*, Oxford: Oxford University Press.
- [14] Giannakidou A. (2002), Licensing and Sensitivity in Polarity Items: from Downward Entailment to (Non)veridicality, *Proceedings of the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, Ed. by M. Andronis, A. Pycha, K. Yoshimura Chicago, IL: Chicago Linguistic Society, pp. 29–53.
- [15] Giannakidou A., Lin J. (2016), The Mandarin NPI shenme is not exhaustive: A reply to Chierchia and Liao (2015). University of Chicago. Ms. <https://home.uchicago.edu/~giannaki/pubs/Final.LinGianna.Mar.11.2016.pdf>.
- [16] Apresjan V. Ju., Kopotев M.V. (2022), Autonomous bi-pronominal distributive constructions in Russian [Avtonomnyje distributivnyje konstrukcii s voprositel’no-otnositel’nyimi mestoimenijami v russkom jazyke], *Linguistic Issues [Voprosy jazykoznanija]*, Vol. 4, pp. 115–142.
- [17] Testelefs, Ja. G., Bylinina Je. G. (2005), On some constructions with indefinite pronoun meanings in Russian: amalgams and quasirelatives [O nekotorykh konstruktivnykh so znacheniem neopredelennykh mestoimenij v russkom jazyke: amal’gamy i kvazirelyativy]. IITP RAS Seminar on Theoretical Linguistics, 15.04.2005. Accessed online 02.05.2026: http://www.ruh.ru/binary/1787534_99.1322270635.82662.pdf.
- [18] Karttunen L., S. Peters (1980), Interrogative Quantifiers. Time, Tense, and Quantifiers, Ed. by C. Rohrer, Tuebingen: Niemeyer, pp. 181–205.
- [19] Belyaev O. (2014), *Osetic correlatives in typological perspective [Osetinskije korreljativy v tipologicheskoy perspective]*. PhD thesis Lomonosov Moscow State University.
- [20] Göksel A., Kerslake C. (2005), *Turkish: A Comprehensive Grammar*, London, New York: Routledge.
- [21] Pollock J.-Y. (2024), On free relatives and related constructions in French, *Studies on Interrogative and Relative Syntax in French and Romance*, Oxford: Oxford University Press, pp. 299–330.
- [22] Lohiniva K. (2019), *The syntax and semantics of additivity in Finnish*. PhD dissertation Université de Genève.